

Воздух в глубине шахты был таким тяжелым, что казалось, будто он застыл.

Монотонный стук кирок о каменные стены отдавался эхом в замкнутом пространстве.

Мелкие капли пота, выступившие на лбу Эмюса, уже слились в струйки, стекавшие по бледным щекам, но его темно-синие глаза, устремленные на раздробленную породу, были лишены всякого фокуса.

Железы на затылке продолжали саднить от жгучей боли.

Феромоны черного чая, принадлежащие Се Ижаню, по-прежнему упрямо окутывали его, и каждый вдох словно пропитывался запахом этого самца. Они напоминали о случившемся, о том, что растоптало всю его гордость.

Эмюс бессознательно закусил обескровленные губы, но в конце концов заставил себя подавить все бушующие внутри эмоции, загнав их глубоко в ледяную бездну своего сердца.

Сейчас не время для подобных мыслей.

Выживание — вот его главная задача.

Последствия невыполнения дневной нормы он знал лучше, чем кто-либо другой.

Вытерев рукавом пот и пыль с лица, Эмюс наклонился, поднял разбросанные по земле обломки слабоэнергетической руды и положил их в старую, потертую по краям корзину.

Дно было едва прикрыто, до требуемой нормы оставалось еще очень и очень далеко.

Он молча взвесил корзину в руке, и холодное отчаяние, подобно стуже из глубин шахты, проникло в самый костный мозг.

Мало.

Этого катастрофически мало.

Даже если он будет работать без сна и отдыха, при нынешней скорости и скудности этой жилы, к закату он ни за что не наберет нужного количества.

Не говоря уже о том, что этот ненормальный самец отнял у него столько времени.

При мысли о Се Ижане челюсть Эмюса снова сжалась, в глубине его синих глаз промелькнула острая, глубокая ярость, тут же, впрочем, сменившаяся еще более глубоким оцепенением.

Что этому самцу от него нужно?

Пометил его, унизил, заставил молить о пощаде, словно наслаждаясь его страхом.

Настоящий мерзавец.

Эмюс закрыл глаза, пытаясь отогнать от себя это лицо с порочной ухмылкой.

Больше нельзя об этом думать.

Он глубоко вздохнул и снова крепче перехватил рукоять кирки.

Эмюс всегда был эмоционально устойчивым Цы-чуном. Даже после того, как он лишился звания генерал-майора и оказался на самом дне тюрьмы, он крайне редко терял контроль над собой.

Но в последнее время, из-за появления Се Ижана, это случалось все чаще.

Его мышцы, напряженные от постоянной работы, слегка подрагивали, но он стиснул зубы и вложил все оставшиеся силы в следующий удар.

Звон!

Острые кирки ударились о твердую породу, высекая искры.

Посыпались мелкие камни.

Эмюс, словно пустая оболочка, лишенная души, отдавшись лишь инстинктам, молча продолжал копать в поисках безнадёжного спасения посреди мертвой тишины и полумрака.

Наконец, глухой звонок, возвещающий об окончании смены, прорезал глубокие шахтные туннели.

Даже выбившись из сил, Эмюс мог лишь тащить свою старую корзину, которая по-прежнему оставалась пугающе легкой, и молча встать в хвост очереди.

Он уже представлял себе насмешливую ухмылку надзирателя, когда тот увидит жалкую

горстку руды, а вслед за этим — удары током или плеть.

Боль в затылке напомнила о себе снова. Эмюс плотнее сжал губы, длинные ресницы скрыли выражение его глаз, и никто не знал, о чем он думает.

И тут, когда он был погружен в свои мысли —

Знакомый, невероятно агрессивный запах внезапно нахлынул сбоку.

В следующее мгновение его рука резко полегчала!

Легкая корзина мгновенно сменила владельца.

Эмюс в изумлении поднял голову, его зрачки сузились.

Се Ижань, появившийся бесшумно, как тень, стоял рядом и небрежно подбрасывал корзину, которая должна была принадлежать ему.

На лице самца по-прежнему играла та самая ленивая улыбка, от которой у Эмюса зубы сводило, а темно-зеленые глаза, не мигая, следили за ним, даже не пытаясь скрыть насмешку.

— И это всё?

Се Ижань приподнял бровь, его тон был легким и насмешливым, отчего Эмюс невольно отступил на шаг.

Се Ижань чутко это уловил и, не подавая виду, сделал шаг вперед, сокращая дистанцию:

— Наш достопочтенный генерал-майор за весь день накопал только это? Не слишком ли ты расслабился, бездельник?

Сердце Эмюса подпрыгнуло от этого шага. Он отвернулся и инстинктивно потянулся, чтобы вернуть корзину.

— Верни мне ее.

Его лицо все еще было бледным, но голос прозвучал на удивление тихо и холодно, без тени прежнего гнева.

Ничего не поделаешь.

Он не мог победить силой, а за ругань его наказали бы еще жестче, поэтому оставалось лишь подавлять себя.

Это был выход из шахты, вокруг сновали заключенные.

Эмюс не хотел иметь ничего общего с этим самцом, но еще меньше он хотел, чтобы его самое жалкое унижение стало достоянием других.

Сейчас он не мог позволить себе лишних проблем.

Однако Се Ижань не дал ему времени на раздумья.

Он легко уклонился от руки Эмюса, двигаясь так быстро, что остался лишь смазанный силуэт.

Даже не взглянув на корзину, он просто отбросил ее назад.

Следовавший за ним Калайер в спешке подхватил ее.

Затем на лице Калайера появилась угодливая улыбка, какой Эмюс никогда раньше не видел.

— Что вы задумали?!

Эмюс не успел договорить.

В следующую секунду Калайер ловко вытащил свою тяжелую корзину и, не глядя, с грохотом вывалил всю свою руду разного размера прямо в корзину Эмюса.

Та, что была до этого почти пустой, мгновенно стала неподъемной, руда едва не вываливалась через край.

Сделав это, Калайер даже не посмел вздохнуть. Опустив голову, он молча отступил за спину Се Ижана, стараясь стать как можно менее заметным.

Он оставил им достаточно пространства, давая Се Ижаню возможность и дальше дразнить свою жертву.

Эмюс смотрел на свою внезапно ставшую полной корзину, и в его темно-синих глазах промелькнуло замешательство, которое тут же сменилось глубоким унижением и настороженностью.

Он сжал кулаки так, что ногти вонзились в ладони.

Такая подачка... эта помощь, пропитанная насмешкой и скрытыми целями, была для него невыносимее прямого наказания.

— Господин, — Эмюс стиснул зубы, его голос вновь обрел холодность, став еще более отчужденным.

Он опустил ресницы, избегая прямого взгляда Се Ижаня, и использовал стандартное вежливое обращение, принятое в обществе жуков по отношению к незнакомым самцам.

— Что это значит?

Се Ижань словно не заметил холода в его голосе. Напротив, эта скованная вежливость и попытка Эмюса скрыть свою ярость лишь раззадорили его.

Он сделал шаг вперед, игнорируя любопытные взгляды заключенных, и придвинулся к Эмюсу вплотную.

— А что тут непонятного? — Се Ижань прошептал это так тихо, что слышать мог только он, при этом его взгляд был прикован к плотно сжатым губам Эмюса. — Разве не ты сам об этом просил?

От этих слов Эмюса едва не стошнило.

— Раз просил — принимай как должное, — бросил Се Ижань небрежно, словно кинул кость собаке.

Эмюс сжал пальцы еще сильнее, костяшки побелели.

Как же сильно он хотел ударить его этой корзиной по лицу, а потом раздавить своим мехом и повесить на флагштоке!

Но он больше не генерал-майор Империи.

К тому же, ему была нужна эта руда, жизненно необходима.

Отказ означал жестокое наказание, а принятие — смирение перед унижением.

В конечном счете инстинкт выживания взял верх над остатками гордости.

Он промолчал, не стал отбирать корзину и не поблагодарил. Лишь отвернулся, напряг челюсть, обнажив изящную линию шеи, на которой все еще виднелись следы зубов.

Се Ижань наблюдал за этим покорным видом, за тем, как он глотает обиду вместе с кровью, и чувствовал странное удовлетворение.

Но он явно не собирался так просто отпускать Эмюса.

— Эй.

Се Ижань подошел еще ближе, почти чувствуя, как холодный аромат туберозы Эмюса переплетается с его собственным властным запахом черного чая.

— Как тебя зовут?

Тело Эмюса едва заметно вздрогнуло.

— Хозяин, цель — Эмюс Ланселот, бывший генерал-майор седьмого флота Империи, ныне заключенный тюрьмы Грейс, номер А-009... — послушно доложила система в его голове.

— Заткнись, — раздраженно оборвал систему Се Ижань.

Он знал.

Но он хотел услышать это от самого Цы-чуна.

Хотел, чтобы этот холодный голос произнес имя, которое он и так уже знал.

Эмюс молчал. Он не только не ответил, но и ускорил шаг, пытаясь затеряться в толпе заключенных, медленно проходящих зону досмотра.

Се Ижань усмехнулся и неторопливо последовал за ним, словно терпеливый охотник, преследующий свою добычу.

— Что такое? Твое имя — это тайна, которую может знать только тот красноглазый извращенец?

При упоминании Сыкадило спина Эмюса стала еще жестче.

Они подошли к входу в зону досмотра, где их ждали надзиратели и холодные сканеры.

Заклученные выстроились в очередь, по очереди ставя корзины на конвейерную ленту для взвешивания, а сами проходили через энергетическую рамку, чтобы исключить пронос запрещенных предметов.

Вокруг поднялся шум: звон руды, раздраженные крики охранников и шарканье ног заключенных.

Эмюс глубоко вздохнул, пытаясь подавить все эмоции.

Он взял свою тяжелую корзину, собираясь поставить ее на ленту.

В этот момент рука Се Ижания внезапно легла на край корзины.

Эмюс замер, резко поднял голову, и в его синих глазах наконец вспыхнул гнев, который он не мог больше сдерживать, а вместе с ним — едва заметная мольба.

— Господин, — прошептал он, стиснув зубы. — Прошу вас, остановитесь.

Эмюс искренне не понимал, чем он заслужил такое внимание Се Ижания. В его глазах этот самец внезапно ворвался в его и без того мрачную жизнь самым ужасным способом.

И теперь он давил на него все сильнее.

Се Ижань лишь приподнял бровь. Не убирая руки, он наклонился к нему.

Его темно-зеленые глаза впились в Цы-чуна, он понизил голос, и в его тоне прозвучала непреклонность.

— Имя.

Он бросил взгляд на рамку сканера и охранников, которые скоро должны были проверить их.

— Иначе я не прочь «поболтать» здесь о том, что происходило в шахте. Как думаешь, если все узнают, что высокомерного генерал-майора Ланселота прижимали к стене...

<http://bllate.org/book/20053/1982462>